

Людмила ТАБАКОВА

В ЛЕВОМ БОТИНКЕ НА ПРАВОЙ НОГЕ

Рассказ

Кусочек стеклянного неба сквозь стеклянное окно... Черный узор чугунных ограждений. Поцелуи, объятия, радостные возгласы, приглушенные расстоянием. Через минуту поезд тронется, все исчезнет, я мысленно окажусь там, где оставила в детстве ключи, а теперь решила за ними вернуться...

Расскажи умному человеку историю своей жизни, и он, не желая прослыть равнодушным, обязательно спросит: «А дальше? А зачем?» Людям реагировать на чужое просто. Пытаться объяснять поступки других через призму своих особенностей еще проще. Мне не хотелось вмешательства извне. Я предпочитала рассказывать только себе, объясняя события прошлого чаще всего внешними обстоятельствами.

Единственный сосед, убедившись, что другие люди могут думать не так, как привык думать он, помахал на прощание рукой и вышел на своей остановке. Что и говорить, я умела отгородиться от того, кто мне неинтересен: промолчать, воспользоваться нужной интонацией, бросить равнодушный взгляд. Как результат — привычное одиночество. В этой жизни нет для меня обручального кольца. Не от того ли на душе так пусто, темно, тоскливо, и нет ни малейшей надежды уснуть?

Снова перед глазами знакомый переулочек... Из-под снежной крыши-шапки привычно смотрят почти живые, постоянно мигающие окна многоквартирного дома. Слева — пустырь, у подъезда — рябина, справа — клумбы, превратившиеся в сугробы. Уютный синий кот, случайно перекрасившийся рассыпанной в сарае краской, доверчиво льнет к ногам...

Мне исполнилось семь лет. Я мечтаю о настоящем детском празднике с подарками, тортом и чаепитием...

— Хочешь праздник, Верка? — через годы слышу едва различимый голос отца. — По глазам вижу, хочешь... Вот тебе деньги — валяй за бутылкой. Отметим...

Промедление смерти подобно. В темноте прихожей нащупываю руками ботинки старшего брата, толкаю в них сначала варежки, потом ноги, затягиваю шнурки, на ходу срываю с вешалки старенькое пальтишко и пулей вылетаю за дверь.

А на улице холодный ноябрьский ветер кричит, мечется среди почти голых берез, срывая с них остатки прежних нарядов, гонит откуда-то лохматую дождевую тучу, пробирается под мое пальто... «Появись, солнышко, — шепчу я, надеясь, что услышит, — пронзи тучу лучами, преврати ее в облака, не нужен мне дождь, не нужен...»

Людмила Табакова родилась на Смоленщине в 1946 году, окончила филологический факультет университета.

Непослушные ботинки тормозят движение. Присмотревшись, понимаю, что левый ботинок надет на правую ногу и каждый норовит выбрать нужное ему направление. Пытаюсь совместить их желания со своим и наконец с трудом открываю неподатливую дверь продуктового магазина. Дождавшись очереди в винно-водочный отдел, протягиваю деньги знакомой продавщице.

— Опять за водкой ребенка послали? — возмутилась она, выставя бутылку на прилавок.

— Мне конфет, тетя Валя. На все... — вырвалось против воли, которую я не смогла себе подчинить. — «Мишка на Севере»...

— Так это не ко мне... Нина, взвесь Верочке конфеты, — крикнула она продавщице из соседнего отдела.

Чувствуя себя преступницей, я зажала в руке газетный кулек с конфетами и, путаясь в развязавшихся шнурках, в считанные минуты оказалась перед домом подружки.

— Оля! Ты выйдешь? Оля, выходи! — нарушил тишину хриплый от волнения голос-крик.

Мы сидели во дворе на покрытой желтыми листьями холодной скамье, не спеша разворачивали конфеты, откусывали, придерживая замерзшими губами крохотные кусочки, слегка прижимали языком к небу вафельную массу, причмокивали, наслаждаясь необыкновенным вкусом, и улыбались друг другу. Потом, бережно разгладив ладошкой фантики, складывали их в стопочку, чтобы сохранить память об этом удивительном дне.

— С днем рождения, Вера... Тебе уже семь... Совсем взрослая... — завидую, вздыхала подружка.

Праздник закончился неожиданно: Олю позвали домой, а я осталась наедине с проблемами в холодном, продуваемом ветром дворе. Смеркалось. Облезлая ворона, непрерывно каркая, предвещала что-то недоброе. И я знала, что дома будут бить. Между тем ледяная стынь пробралась в ботинки, заморозила руки, щеки, нос...

— Согреться. Нужно согреться... — я дрожала, как последний желтый лист, по недосмотру ветра оставшийся на березе.

Ноги сами понесли меня к Вечному огню.

— Нефедов Иван Ильич... — в отблесках пламени на обелиске прочитала знакомую фамилию. — Здравствуй, дед... — и положила на постамент растаявшую в руке конфету.

Увидев на обелиске фамилию деда подружки, положила еще одну. Потом присела на ступеньку, сняла опостылевшие ботинки и протянула босые ноги к огню. Блаженное тепло приласкало подошвы, заструилось по всему телу, усталые веки прикрыли глаза...

— Девочка, что ты делаешь здесь? — услышала я чей-то голос.

Встречный поезд пронзил темноту, удвоил перестук колес, наполнил пространство свистом сопротивляющегося движению ветра. Мелькнули габаритные огни последнего вагона. Я снова в темноте и, кажется, снова в ботинках не на ту ногу неуклюже шагаю по жизни.

Наконец родители взялись за ум и, пристроив старшего брата в ГПТУ на полное обеспечение, приняли решение начать жизнь с чистого листа в далекой Сибири. Вздымщики — химики, как их здесь называли, в основном приезжие люди с большим жизненным опытом и потрепанной судьбой. Помню лесную избушку, топчан из досок, грубо сколоченный стол, деревянные чурки вместо стульев, допотопный умывальник, убогую кухонную утварь, чадающую печь...

Зимой вздымщики готовили сосны к подпочке, снимая кору с замерзших деревьев. Летом делали насечки и подвешивали воронки для сбора живицы, которую потом соскабливали в ведро, а воронки возвращали на место. За лето делали два-три сбора. Я вместе с родителями зарабатывала себе на хлеб.

Подсоченные сосны притихшие, немногословные. Я слышала их шепот, заставляющий оглянуться, смотрела на них, стройных и красивых, но израненных, опустошенных, растерянных, лишенных жизненной энергии. Видела, как поднимают они руки-ветви в стремлении натянуть платки — облака, чтобы спрятать от людей, хотя бы свои верхушки. В затянутых остатками смолы ранах блестели их засохшие слезы. Да-да, сосны плакали, раскачивая израненные тела, не только вместе с дождями и утренней росой, они плакали вместе со мной. Раненый зверь, раненая сосна, раненый человек... У них есть глаза, одинаково наполненные болью, страхом, страданием.

Я журналист. Иногда ко мне приходят люди, подсоченные как сосны. Смотришь, оболочка, сохраняющая человеческий облик, есть: красиво одеты, по моде причесаны, но вдруг чувствуешь их полное равнодушие ко всему, почти физически ощущаешь внутреннюю пустоту, от которой тянет болотной тиной. Набрось на них, Богородица, белый платок, защиты от беды и страданий... Не виноваты они, подсоченные...

Летний заработок позволил прожить зиму в поселке, где родители возвратились к прежнему увлечению. Я снова в ботинках не на ту ногу пытаюсь противостоять судьбе. Дома холодно: нет дров. В печке уже сгорели половицы из коридора и кухни. Водка «для сугреву» льется рекой. Ищет, что бы поесть, тыкая носом во все углы, тощий поросенок в мамином зимнем пальто с узеньким воротничком из норки. Поросята согреваются, берегут к новогоднему застолью. Меня и моего маленького брата Саньку не бережет никто. Его единственные штанишки сушатся над холодной печкой, а он в курточке на голом теле топаёт босыми ножками по остаткам ледяного скрипучего пола...

И все-таки нам повезло! Неравнодушные люди определили меня и Саньку в интернат. Но на следующий день я в новых валенках и зимнем пальто на ватине боязливо скреблась в дверь родительского дома. Пустят? Не пустили...

Светало. За вагонным окном стали узнаваемыми предметы. Название станции вселило надежду, что до конечной цели недалеко. В дверь постучали.

— Доброе утро. Попутчика примете?

— Располагайтесь. Здравствуйте!

— Счастливый человек всегда хорошо выглядит, — сделала вывод я, бросив на мужчину оценивающий взгляд.

Мне так хотелось видеть рядом с собой счастливого...

— Хотите чаю? — предложила появившаяся в дверях проводница.

Я разложила на салфетке бутерброды, он достал из сумки конфеты. Моя рука непроизвольно потянулась к ним. Знакомая обертка...

— «Мишка на Севере»... — прочитала я и почему-то подумала: «Мой человек».

Жизнь можно оставить просто: отойти от людей, от общечеловеческих проблем, смириться, таясь и злобствуя в одиночку. Мне захотелось вернуться к людям. И еще... Добавить в жизнь немного ярких красок, запоминать и повторять слова любимого человека, улыбаться ему одними глазами...

Мой город оказался и его городом. Прощаясь, мы обменялись номерами телефонов, почему-то записав их на фантиках...

Я радовалась апрельскому дню. Подтаивал снег, в следах от промокших ботинок оставались лужицы, которые к вечеру обязательно покроются тонкой хрустальной корочкой, последним подарком уходящей зимы. Теплый упругий ветер весело и шумно играл с безлистными деревьями, как старый знакомый, ласково трепал меня по щеке.

Вот и состарившийся, с крышей набекрень, с живыми окнами дом, где много лет жила моя тень. Нет рябины, пустырь застроен, нет сугробов на месте клумб. Лестница на второй этаж. Звонок!

— Ольга!

Подруга детства, постаревшая, располневшая, в синем сарафане, спорящем с оранжевой оборкой, но такая же близкая, почти родная...

— Верка!

Постаревшая, поседевшая, стройная, милая, своя...

Обнялись.

За дверью — двенадцать квадратных метров, пять телевизоров в коробках, собака-копилка с яркой надписью «Красиво жить не запретишь!», четыре ковра в четыре слоя на одной стене, засохшая гречневая каша в тарелке.

— Так кризис же... — ответ на мой молчаливый вопрос.

Однако на столе появилось все, что было припрятано к случаю. После нескольких слов о судьбе общих знакомых Ольга перешла к пересказу сериала и собиралась включить телевизор.

— Подожди, — остановила ее я. — А ты давно была у Вечного огня? Помнишь, как ходили туда вместе? Он не погас?

— Не знаю. В девяностые годы погасили и горелку срезали. Муниципалитет должен газовой компании четыре тысячи пятьсот рублей. Много шуму было. Но, по моему, огонь так и не зажгли. Да если и зажгут, светлее не станет...

Меня поразило спокойствие Ольги. Щеки полыхнули огнем.

— Мы должны пойти туда сейчас же! — на всякий случай я положила в кошелек все оставшиеся деньги.

Город снова стал чужим, но эту дорогу не вынуть из памяти. Я опять шла в левом ботинке на правой ноге. Бесконечное щебетание Ольги раздражало. «Нет, таких в гроб не кладут, а ЛОЖАТ», — подумала я.

Полыхающий огонь сквозь ветви деревьев мы увидели издалека. Живой, яркий, он глотал сгущающиеся сумерки, будоража память и возвращая надежду.

Замолкла Ольга. Я подняла выше голову и выпрямила спину. Моя рука сжимала в кармане фантик с номером телефона.